

КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ

Виктор Александрович Красильщиков,

доктор экономических наук,

старший научный сотрудник

Польского института передовых исследований Польской Академии наук

Польша, 00-378, Варшава, ул. Ярача, 1

ORCID 0000-0003-1402-3310

victor_ias2004@yahoo.co.in

Аннотация

В статье рассмотрены социокультурные аспекты модернизации 1960–1990-х гг. в новых индустриальных странах (НИС) Восточной и Юго-Восточной Азии. Автор трактует эту модернизацию как разновидность *консервативной модернизации*, соединившей в себе традиции и современность, культуру и доктрины Восточной Азии с достижениями Запада и ценностями модерна. В статье затрагиваются и вопросы о роли конфуцианства в развитии этих стран, о совместимости конфуцианского морально-этического учения с «духом капитализма», о котором в свое время писал Макс Вебер. Почему конфуцианство в последней трети XX века вдруг оказалось созвучным капиталистическому развитию? По мнению автора, ответ на этот вопрос лежит в особенностях менеджериального капитализма и той особой роли, которую сыграло *государство развития* и его бюрократия в ускоренной модернизации восточноазиатских НИСов. Однако *государство развития* не смогло найти подходы к решению новых проблем, связанных с переходом к экономике, основанной на инновациях и знании. Конфуцианские традиции, которые способствовали заимствованию технологических достижений и развитию системы образования, нацеленной на подготовку квалифицированных исполнителей, оказались трудносовместимыми с задачей формирования критического мышления и творческих способностей учащихся, без чего переход к новой модели развития становится трудноосуществимым. В то же время либерализация экономики и изменение характера социальной дифференциации в НИСах размывают основы существования прежнего государства развития. Это вызывает усиление консервативных тенденций в политике и идеологии правящих кругов, а «азиатские ценности» используются не столько для оправдания дальнейшей модернизации, сколько для апологии таких тенденций. Делается вывод о том, что прогнозы о превращении Восточной Азии во главе с Китаем в центр мировой экономики, несмотря на высокие темпы роста, не осуществляются.

в ближайшие десятилетия, поскольку для такого превращения нужно преодолеть инерцию прошлого, укорененную в духовных основаниях восточноазиатских обществ. Страны Восточной Азии скорее всего не смогут осуществить технологические прорывы, которые обеспечили бы им глобальную гегемонию, а Запад сохранит свое научно-технологическое лидерство и тем самым – доминирование в мире.

Ключевые слова: авторитаризм, Восточная Азия, государство развития, консерватизм, конфуцианство, модернизация, образование, традиции.

Библиографическое описание для цитирования:

Красильщиков В.А. Консервативная модернизация в Восточной Азии: достижения и пределы // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 2. – С. 231–263. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-231-263.

Станет ли нынешний век Веком Азии? Перемещается ли центр мировой экономической системы с Запада на Восток? Займет ли Китай место мирового гегемона, вытеснив с него Соединенные Штаты? Утвердительные ответы на эти и подобные им вопросы стали неотъемлемой частью средне- и долгосрочных прогнозов касательно мирового будущего, с которыми выступают отдельные ученые и солидные международные организации. Так, например, еще в 2010 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала доклад с красноречивым названием «Сдвигающееся богатство», в котором отмечалось, что «экономический центр мирового притяжения сдвинулся к Востоку и Югу, от стран – членов ОЭСР к поднимающимся экономикам...» [37, р. 15]. Национальный Совет по разведке США в 2012 г. предупреждал, что Азия в целом, несмотря на возможные трудности в своем развитии, скоро превзойдет вместе взятые Северную Америку и Европу по своей глобальной мощи, по размерам ВВП, численности населения, военным расходам и инвестициям в технологии [36, р. 15].

В докладе о мировом богатстве, подготовленном международной финансово-консалтинговой компанией «Капжемини», отмечается, что на страны Азиатско-Тихоокеанского региона пришлось 42,2 % *прироста* населения с состоянием 1 млн долл. и выше (664,7 тыс. из 1600 тыс. новых миллионеров) и 41,4 % *прироста* глобального финансового состояния этих людей (2,8 трлн долл. из 6,7 трлн). Причем Северная Америка (США, Канада и Мексика) дала только 27,4 % такого прироста, оставив далеко позади себя страны Европы. При этом ожидается, что богатство азиатских миллионеров до 2025 г. будет возрастать в среднем на 8,7 % в год, тогда как Северная Америка и Европа будут показывать куда более скромные темпы прироста миллионных состояний, 3,3 и 2,9 % соответственно. В целом же на Азиатско-Тихоокеанский регион к началу 2018 г. приходилось 34 % всего мирового населения с состоянием и активами

от 1 млн долл. и выше против 31,3 % в Северной Америке. У восточно-азиатских миллионеров было в руках 30,8 % глобального богатства всех миллионеров планеты против 28,2 % у миллионеров Северной Америки [3, pp. 7, 9]. Наконец, согласно ежегодному докладу о богатстве не одних лишь миллионеров, а всего населения Земли, подготавливаемому аналитиками банка «Креди Суис», Китай уверенно занимает второе место в мире не только по объему ВВП, но и по накопленному совокупному богатству, в том числе по богатству домохозяйств. Ожидается, что в течение жизни одного поколения (25–30 лет) Китай догонит США и по этому показателю [10, p. 41].

Все эти прогнозы основаны на данных о динамике ВВП, финансовых активов, внешней торговли, инвестиций, расходов на научные исследования и технологические разработки (НИОКР) и т. д., т. е. опираются на количественно измеряемые социально-экономические показатели. Но достаточно ли этих данных, чтобы делать однозначные прогнозы о глобальном сдвиге ядра мировой системы на Восток? Ведь помимо количественных показателей социально-экономического и технологического развития есть и не фиксируемые статистикой аспекты общественного и индивидуального бытия, которые имеют огромное значение для будущего страны или региона. А учитывая эти аспекты, есть основания сомневаться в неизбежности «Века Азии». Он *может* наступить, но может и не наступить... Видимо, не даром в одном из последних докладов Всемирного банка, посвященных Восточной Азии, наряду с признанием ее бесспорных успехов и ожиданием продолжения «чуда» и в XXI веке, слышны и тревожные нотки. Поводом для них являются рост неравенства в регионе, усиление всевозможных социальных и пространственных диспаритетов и признаки стагнации [51, pp. 29, 32–39]. По мнению автора, основаниями для сомнений в «светлом будущем» Азии являются социокультурные аспекты успешной, на первый взгляд, экономической и технологической модернизации, осуществленной новыми индустриальными странами (НИСами) Восточной Азии и Китаем. Модернизации, которая в большой степени была и остается *консервативной модернизацией*¹.

Консервативная модернизация

На первый взгляд, термин «консервативная модернизация» звучит как оксюморон. Модернизация означает отказ от всего старого, отжившего, слом традиций и прежних порядков ради созидания нового, поэтому она противоположна консерватизму. Но в реальной истории всё обстояло не так просто.

¹ Здесь Восточная Азия объединяет Северо-Восточную Азию в лице Китая, Кореи и Японии, а также Юго-Восточную Азию, представляемую АСЕАН.

Дело в том, что модернизация в восточноазиатских странах начиналась раньше, чем созрели в полной мере ее собственные предпосылки внутри каждой страны. Она была вызвана прежде всего внешними угрозами их существованию. Помимо конфронтации между США и СССР, которая влияла на страны региона, была еще и конфронтация каждой из этих сверхдержав с маоистским Китаем. Китай поддерживал различные организации и движения ультралевых толков, в том числе и те, которые вели вооруженную борьбу против своих правительств. В таких условиях для местных деловых и политических элит не было иного способа поднять уровень жизни населения, покончить с массовой бедностью и тем самым ликвидировать социальную основу для всевозможных революционных движений, находившихся под внешним влиянием, кроме проведения ускоренной модернизации. Как писал корейский диктатор генерал Пак Чжон Хи, творец прорыва Южной Кореи к нынешним высотам (с уровня Африки!), «осуществить Чудо на Реке Хань – это единственный способ добиться превосходства над Коммунизмом» [39, р. Forward-4].

При этом местные элиты вынуждены были в своей внешней политике безоговорочно «прислониться» к США. Те, в свою очередь, старались – в контексте холодной войны – помогать сателлитам в «строительстве» полноценного, а не отсталого капитализма, создавая витрину капитализма в тогдашнем Третьем мире. Взвалив на себя бремя военно-технической помощи будущим НИСам Азии, Соединённые Штаты и другие страны Запада открыли свои внутренние рынки для дешевых промышленных товаров из опекаемых ими стран. И это оказалось куда более действенной помощью их развитию, чем многомиллиардные затраты на их военную безопасность².

Однако *любая* модернизация, начатая под давлением внешних обстоятельств, а не в силу внутреннего развития страны, во-первых, имела дело с тем человеческим материалом, который был унаследован ею от прошлого. Во-вторых, она проводилась теми людьми, которые сами сформировались в прошлом, от коего они вроде бы хотели избавиться. На самом деле их целью было не столько избавление от прошлого, сколько его «осовременивание» и приспособление к новым условиям. Таким образом, любая модернизация, начинавшаяся как ответ на давление внешних обстоятельств, должна была быть консервативной, примирявшей так или иначе традиции с современностью, старое с новым, ценности и культуру прошлого с ценностями передовых стран Запада.

² Проведенная НИСами экспортно-ориентированная (и экспортозамещающая) индустриализация – особая тема исследования. Замечу только, что экспортная экспансия НИСов была бы невозможна без тех структурных изменений, которые происходили в экономиках Запада с середины 1960-х до начала 1990-х годов.

Термин «консервативная модернизация» был впервые введен американским социологом Баррингтоном Муром. Он применял этот термин к модернизациям, которые проводились во второй половине XIX в. в Германии (Пруссии) и Японии, а также к модернизации, которую пытался провести уже в XX в. Чан Кайши в Китае. По мнению Мура, такие модернизации были основаны на компромиссе между старыми аграрными и нарождающимися новыми индустриальными элитами и осуществлялись через «революцию сверху» [33, pp. 62, 109, 141, 252, 435–441, 448]. Цель таких модернизаций состояла не столько в том, чтобы сломать старые порядки, мешавшие дальнейшему развитию, сколько в том, чтобы вдохнуть в них «новую жизнь» ради сохранения привилегий старых социальных групп и успешного соперничества с другими, более развитыми странами. Так, при бурном росте предпринимательства и городов и в Германии, и в Японии (как и в царской России) сохранялось помещичье землевладение, увенчанное архаичной властью императоров. В этих странах частично сохранялось и сословное деление общества. Примечательно, что японская элита, приступая к глубоким реформам в конце 1860-х гг. («революция Мейдзи»), рассматривала их в соответствии с самурайским кодексом *бусидо* и трактовала как «войну другими средствами» против иностранцев за сохранение независимости страны [13, pp. 334–337, 341–345].

Интересно, что консервативный характер модернизации будущих промышленных «игров» Восточной Азии был предусмотрен сценариями, которые разрабатывались их американскими покровителями. В частности, Уолт Ростоу, автор известной теории стадий экономического роста, немало сделавший для того, чтобы убедить американский истеблишмент уделить особое внимание восточноазиатским странам, еще в 1955 г. писал: «...наш интерес состоит в том, чтобы общества Евразии развивались в широком соответствии как с нашей собственной концепцией отношения индивида к государству, так и с их культурным наследием... Мы должны быть глубоко заинтересованы в том, чтобы другие общества развивали и усиливали те элементы в их соответствующей культуре, которые возвышают и защищают достоинство индивида от притязаний государства» [42, p. 5].

Фактически Ростоу предлагал находить точки соприкосновения западного (антропоцентричного) подхода к социально-экономическим преобразованиям с восточными (социоцентричными) традициями, чтобы таким образом легче внедрить западные ценности в ткань восточноазиатских обществ. Но были ли на самом деле такие точки соприкосновения западной и восточной культур, которые бы позволили – при сохранении культурной идентичности стран региона – внедрить в них западные ценности и привычки? Ведь недаром еще Киплинг выразил скепсис по поводу совместимости ценностей и установок Запада и Востока («О, Запад есть За-

пад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»). А Макс Вебер объяснял отсутствие «нормального» капитализма в странах Востока несовместимостью «духа капитализма» (т. е. духа свободного рационального предпринимательства) с религиозно-философскими системами буддизма, индуизма, даосизма и с морально-этической доктриной конфуцианства [48, vol. I, p. 630].

Оставляя в стороне вопрос об истинности концепции Вебера, следует отметить непреложный факт: экспансия Запада на Восток так и не привела к установлению в странах Азии (Япония – особый случай) полноценного капитализма с соответствующими правовыми институтами. В Китае капитал сумел лишь кое-как закрепиться в отдельных прибрежных районах, тогда как обширные глубинные территории так и оставались нетронутыми его «цивилизаторской миссией».

Попытки совместить капиталистическую модернизацию с конфуцианскими принципами предпринимались еще в межвоенный период, задолго до того, как Ростоу начал давать свои советы по «тигроводству». Так, в 1928 г. Чан Кайши, ставший в октябре того же года президентом Китайской Республики, обязал своих подчиненных изучать Конфуция, хотя еще в 1927 г. правительство Китая называло конфуцианство реакционной доктриной, которая «служит подавлению людей и порабощению мысли». А в 1931 г. день рождения философа был объявлен национальным праздником. Сами руководители Гоминьдана объясняли крутой разворот в отношении учения Конфуция изменившимися обстоятельствами, которые в условиях смуты, охватившей всю страну, требовали восстановления «порядка и морали». Позже, в 1950 г., уже на Тайване, Чан Кайши провозгласил: «Мы должны наследовать нашу 5-тысячелетнюю культуру и сделать ее руководством для человеческого прогресса» [52, pp. 304–307]. Однако до начала последней трети XX столетия эти наставления казались экстравагантными сентенциями неудачливого генералиссимуса, потерявшего власть и спасшегося бегством на остров под прикрытием корабельных пушек США.

И вдруг в последней трети XX в. что-то произошло. Стало казаться, что жизнь начала опровергать Вебера, а Чан Кайши в своих рассуждениях о значении конфуцианства для модернизации оказался прав. Конфуцианство стало вдруг прекрасно совместимым даже не просто с развитием, а с бумом капитализма, который внешне всё больше начинал походить на своего западного «старшего брата». Британско-австралийский историк-экономист Эрик Джонс даже утверждал: «Восточноазиатские ценности в течение периода быстрого роста не отличались существенно от “протестантской этики” Запада во время его индустриализации» [20, p. 143]. Да и буддизм, как показал опыт Таиланда, а потом отчасти и Вьетнама,

оказался не таким уж несовместимым с капитализмом и модернизацией. Например, буддистский мыслитель Буддадаса Бхикху (1906–1993) не противопоставлял духовное материальному, а, наоборот, видел путь к достижению нирваны в одновременном улучшении как человеческой морали, так и материальной среды жизни человека. Согласно его взглядам, экономическая отсталость, бедность и социальная несправедливость не допускают духовного совершенствования и, следовательно, подлинного спасения [15, pp. 206, 207]. Причем это касалось и бедных, и богатых. По мнению Бхикху, эгоистичные, социально безответственные богачи, которые ничего не делают для социально-экономического развития своей страны и уменьшения бедности, не могут надеяться на спасение.

Действительно, и в религиозно-философских системах, распространенных в Восточной Азии, и в конфуцианской доктрине была своя рациональность, которая переключалась с рациональностью протестантизма [16, pp. 40–62]. Конфуцианство оправдывало необходимость приспосабливаться к постоянно изменяющемуся миру; оно, как и буддизм, осуждало праздность и расточительность, настраивая человека на бережливость, поощряло упорный труд и стремление к знаниям. Всё это делало их созвучными задачам догоняющей модернизации [54, p. 7], и далеко не случайно власти в Кореи, и Тайваня, и особенно Сингапура старались использовать конфуцианское наследие для оправдания своей политики модернизации.

Наследие прошлого и легитимация перемен

В центре морально-этической доктрины Конфуция, в том числе в интерпретации восточноазиатских модернизаторов, стоит идея или принцип *благожелательности* – как со стороны подданных и нижестоящих по отношению к правителям и начальникам, так и со стороны последних по отношению к нижестоящим. Благожелательность со стороны власти к простому люду, забота о его благосостоянии – основное условие легитимности этой власти. Правитель должен воздерживаться от подавления беспомощных и не должен игнорировать бедных и несчастных, должен заботиться о способностях и талантах своих подданных, привлекая их к себе. Без этого, по Конфуцию, правитель не может в полной мере выполнять свои обязанности и, следовательно, теряет легитимность [9, pp. 46, 47, 102, 103]. На практике следование этим заветам воплотилось в доктрине меритократии (власти людей, обладающих заслугами и достоинствами), наиболее полно взятой на вооружение властями Сингапура, которые при каждом удобном случае старались заявить о своей приверженности этой доктрине.

Действительно, на начальном этапе модернизации этого города-государства, как, впрочем, и других НИСов, колоссально расширились каналы вертикальной социальной мобильности. Немало выходцев из низов полу-

чило возможность – главным образом за счет стипендий государства и различных фондов – учиться в университетах, в том числе в зарубежных, делая потом карьеру благодаря усердию и способностям. Причем в условиях быстрой модернизации и расширения связей с рынками высокоразвитых стран следование принципу меритократии на практике не привело к персонализации власти мудрых благодетелей, от которых зависело всё или почти всё в стране. Наоборот, в ходе модернизации и Сингапура, и других НИСов выстраивалась система политических и правовых *институтов*, которые исключали зависимость жизни в стране от прихотей или благорасположения одного человека или узкой группы лиц. Такие институты, между прочим, выстраивались и в тех странах, где власти не могли апеллировать к наследию Конфуция, как, например, в мусульманских Малайзии и Индонезии. Причем выстраивание этих институтов не сводилось к заимствованию лишь форм или внешних атрибутов политических и правовых институтов западных стран, таких, например, как представительная парламентская демократия и всеобщие выборы, которые вполне могут существовать – именно как внешние атрибуты – и при авторитарных режимах. Главное институциональное заимствование, сделанное в ходе модернизации НИСов, состояло в установлении независимой судебной системы (в случае Малайзии и Сингапура – по британскому образцу) и неукоснительном соблюдении прав собственности, без чего немислимо развитие бизнеса.

Это заимствование из институционального арсенала Запада коррелировало с конфуцианским *принципом справедливости*, который, правда, понимался не совсем так, как он, начиная с эпохи Просвещения, трактовался в рамках либерально-социалистического дискурса на Западе.

Согласно учению Конфуция, справедливость – это то, что ведет к *гармонии и порядку*, причем приверженность порядку – главный элемент, ядро справедливости [11, pp. 296, 297]. Таким образом, справедливым считается всё, что позволяет избежать нарушения порядка, сложившегося равновесия в обществе или в семье, касается ли это распределения доходов, постов во власти или трудовых обязанностей. В соответствии с принципом справедливости и гармонии каждый индивид, будь он рядовой труженик или высокопоставленный чиновник, должен быть лояльным и по отношению к фирме, где он трудится, и по отношению к своей стране [34, p. 117] – точно так же, как он должен быть привержен своей семье. Как говорил главный творец сингапурского «чуда» Ли Куан Ю в своем программном интервью Фариду Закария, «восточные общества считают, что индивид существует в контексте своей семьи». Следовательно, семья и общество в целом стоят над индивидом, а не индивид над семьей. Более того, индивид может наслаждаться своей свободой только в хорошо упорядоченном, гармоничном обществе [53, pp. 111, 113]. Очевидно, полная лояльность индивида

своей семье или фирме предполагала существование личных неформальных связей, которые охватывали не только отношения владельцев фирм и их работников, начальников и подчиненных, но и отношения равных между собой контрагентов, партнеров по бизнесу. Причем поддержание добрых отношений, *гармонии* часто считается более важным, чем цели бизнеса как таковые. Отсюда стремление избегать «неудобной правды» как в бизнесе, так и в личных отношениях, боязнь нарушить гармонию, обидев своего партнера, коллегу или родного человека [22, pp. 213, 215].

Приверженность принципу гармонии, требование лояльности вызывали отрицательное отношение к открытой критике, а в более широком плане – и к оппозиционной политической деятельности, поскольку она подрывает порядок и гармонию. Нация при этом трактовалась как одна большая семья со своим разделением труда и обязанностями между ее членами. Правитель, будь то президент в военном мундире (Корея, Тайвань) или гражданский премьер-министр и лидер правящей партии (Сингапур), выступал как глава большой семьи, которого надлежало слушаться в соответствии с наставлением Конфуция: «Сын Неба есть отец народа, поэтому он становится повелителем всего, что находится под небесами» [9, p. 144]. Подобным образом конфуцианская традиция рассматривала и коммерческое предприятие, где собственники и управляющие ответственны за благополучие «детей» – наемных работников, а рабочие должны относиться к своей работе так же, как старшие и младшие дети к своим обязанностям в большой семье [11, pp. 296, 300; 49, pp. 142–148]. Исходя из примата семьи, конфуцианство в его современной версии, признавая значение прав индивида, делало упор не на права, а на обязанности и ответственность человека за его вклад в укрепление всей большой семьи и гармонии в ней [26, pp. 440–443].

Требование гармонии и порядка не исключало критики в адрес властей, но только в том случае, если правители нарушали конфуцианские же моральные принципы и переставали заботиться о своих подданных. Более того, если критика таких правителей не помогала им «исправиться», их можно было и сместить с занимаемых постов. При этом, однако, нерушимым оставался принцип сохранения государства и его институтов, да и сама смена правителей должна была происходить без нарушения порядка. Фактически конфуцианство использовалось для оправдания авторитарной власти, которая поддерживала социально-политическую стабильность, необходимую в ходе быстрых экономических преобразований. Однако вряд ли оно могло объяснить сами эти преобразования, ведь модернизация требовала имплементировать, хотя бы выборочно, западные ценности и институты, причем в среде, которая была мало готова к этому.

Надо сказать, что инициаторы модернизаций в восточноазиатских странах понимали трудность такой задачи. Так, Го Кенг Сы, один из ближайших сподвижников Ли Куан Ю, еще на заре сингапурской модернизации, в начале 1960-х гг., критиковал западный технократизм и «экономикс» за одномерный, односторонний подход, который игнорировал особенности незападных обществ и трудности их встраивания в систему Запада [12, pp. 46–49]. Позже, в 1970–1980-е гг., Махатхир бин Мохамад, премьер-министр Малайзии в 1981–2003 гг.³, выражал беспокойство по поводу привычек малайцев, которые уступали местным китайцам в деловой активности и оказывались париями в своей же стране. Он очень четко сформулировал дилемму, стоявшую перед малайцами: они либо изменят себя, либо перестанут быть хозяевами на собственной земле [27, pp. 59–61, 155–157]. Когда Малайзия уже пополнила список промышленных «тигров», Махатхир писал в своей книге «Новый курс для Азии»: «Самыми важными и самыми трудными для решения являются проблемы, которые лежат в сфере культуры... Модернизация ума (mind) была и является предварительным условием модернизации экономики. ...реальная проблема состоит в имплементации новых ценностей таким образом, чтобы они не отторгались людьми и не противопоставлялись людям» [28, pp. 36, 37].

Но как найти оптимальный баланс между новыми и старыми ценностями и идеями? Как использовать идеи и традиции прошлого ради обновления настоящего? Поиски решения этих проблем велись на практике известным методом проб и ошибок. Так, например, в Сингапуре правящая Партия народного действия (People's Action Party), даже состоявшая в Социалистическом интернационале⁴, поначалу открыто провозглашала свою приверженность конфуцианству. Она организовала Институт восточноазиатской философии, коему вменялось «продвигать понимание конфуцианской философии так, чтобы ее можно было реинтерпретировать и адаптировать к потребностям нынешнего общества» [25, p. 127]. Правда, сей институт вскоре был реорганизован, поскольку стало ясно, что конфуцианство как систему «ключевых принципов» можно использовать только в «мягких» формах, сочетая с элементами других социально-философских концепций, больше соответствующих современным условиям. Таким образом, на деле «Сингапур модернизировал проявления конфуцианских принципов скорее в западной манере, нежели в их традиционных формах» [54, p. 8], используя конфуцианское наследие как некую «идеологиче-

³ История распорядилась так, что Махатхир бин Мохамад в 2018 г. в возрасте 93 лет опять стал премьер-министром страны.

⁴ В 1976 г. ПАП покинула ряды Социалистического интернационала после того, как Рабочая партия Нидерландов потребовала исключить ПАП из этого объединения за практику, несовместимую с принципами демократического социализма, т. е. за авторитарное правление.

скую рамку», внутри которой находился целый набор идей и концептов. И далеко не все они имели «местное» происхождение.

В частности, заметное место в дискурсе восточноазиатских политиков-модернизаторов занимало понятие демократии, очевидным образом заимствованное из западного концептуального арсенала. Многие из них, в том числе и Ли Куан Ю, использовали концепт «демократии азиатского стиля». Согласно этому концепту, существуют различные формы демократии, каждая из которых соответствует определенным традициям и обычаям. Политические лидеры НИСов вовсе не отвергали западную либеральную демократию как таковую, подчеркивая, что она соответствует культурным традициям Европы и Северной Америки, но не соответствует традициям Восточной Азии. На самом же деле сочетание восточных традиций с элементами западных воззрений, осуществлявшееся в НИСах в ходе модернизации, представляло собой восточноазиатский вариант неоконсерватизма западного типа [18, pp. 83–88; 44, p. 180]. При этом политические творцы и лидеры модернизаций в Восточной Азии в поисках баланса между элементами восточных и западных идей и доктрин ориентировались на конечный результат – превращение своих стран в высокоразвитые. Фактически они и к идеологии модернизации старались подходить в соответствии с советами Конфуция, т. е. прагматично [46, pp. 72–82].

Но почему же названный баланс между социоцентричной культурой Восточной Азии и западными ценностями индивидуализма, экономического роста, технологического прогресса и рыночной экономики удалось найти только в последней трети XX в., поставив под сомнение веберовскую концепцию о несовместимости «духа капитализма» с восточными религиозно-философскими учениями и конфуцианством? Почему, другими словами, конфуцианство начало «работать» на развитие капитализма, к тому же весьма успешно? Ответ на этот вопрос лежит, по нашему мнению, в изменениях, которые претерпел капитализм по сравнению с началом XX в., когда Вебер писал свои работы.

Конфуцианство и государство развития

Несмотря на то что Вебер одним из первых обратил внимание на рост и особые функции бюрократии как специфического социально-профессионального слоя [48, vol. II, pp. 956 et ff.], он не предвидел, какие изменения может претерпеть сам капитализм по мере возвышения и укрепления этого слоя. Между тем когда будущие НИСы Восточной Азии приступали к своим преобразованиям, они брали за образец опыт Японии, в развитии которой в XX в. ведущую роль – в гораздо большей степени, чем в странах Запада, – играли не частные собственники, а государство и менеджеры (что, правда, не исключало концентрации крупной собственности в их

руках). Именно в Японии – при сохранении, в отличие от СССР, частной собственности – главным, хотя и не единственным субъектом социально-экономического прогресса было государство в лице его бюрократии, став, таким образом, *государством развития*. Следует заметить, что как раз по отношению к Японии термин «государство развития» в 1982 г. впервые ввел Чалмерс Джонсон, исследовавший опыт ее быстрого промышленного роста в довоенные и послевоенные годы [19, pp. 10, 17, 51, 70 et ff.]⁵. А вскоре этот термин стал применяться и к поднимавшимся из нищеты и отсталости странам – будущим НИСам.

Для лучшего понимания того, что такое государство развития, стоит процитировать Мануэля Кастельса: «Государство является государством развития, когда оно устанавливает в качестве принципа собственной легитимации свою способность продвигать и поддерживать развитие, понимая под этим сочетание устойчивых высоких темпов экономического роста и структурных изменений в производственной системе как внутри страны, так и в ее отношении с мировой экономикой» [6, pp. 270–271]. И конфуцианство с его благоговейным отношением к строгой бюрократической иерархичности и порядку как нельзя лучше соответствовало задачам модернизации под эгидой государства. Вряд ли Вебер мог себе представить, насколько созвучным окажется конфуцианство *менеджерiallyному капитализму* второй половины XX в., при котором, используя марксистскую терминологию, *капитал-функция* преобладает над *капиталом-собственностью* и частная инициатива играет хотя и важную, но всё же не главную роль. Так само капиталистическое развитие на определенном этапе создало условия, при которых консервативная модернизация в Восточной Азии оказалась очень эффективной.

На практике государство развития, используя как экономические стимулы для частного бизнеса (систему налогов, льготные кредиты, субсидии и т. п.), так и меры административного регулирования, включая государственное планирование, концентрировало ресурсы на приоритетных направлениях экономического и технологического развития, порой за счёт развития других секторов и отраслей экономики. Так, одна из функций государства развития состояла в поддержании высокой (30...40 %) нормы накопления в ВВП, причем темпы роста инвестиций опережали темпы роста самой экономики. Государство жестко регулировало отношения между предпринимателями и наемными работниками ради ограничения потребления и роста инвестиций. Оно также ограничивало или даже запрещало

⁵ Ради справедливости следует заметить, что еще за 13 лет до публикации книги Джонсона термин «государство развития», правда, с прилагательным «популистское», появился в книге Ф.Э. Кардозу и Э. Фалетто «Зависимость и развитие в Латинской Америке» при рассмотрении ими импортзамещающей индустриализации на континенте под эгидой популистских режимов [4, pp. 123–129; 5, pp. 143–148].

импорт предметов роскоши: капиталисты должны были не проматывать свои доходы, а вкладывать их в новое производство. Например, в Корее до 1988 г., когда страна уже стала вполне зримым промышленным «тигром», все производившиеся в ней цветные телевизоры направлялись только на экспорт. Сами же корейцы, даже богатые, должны были довольствоваться черно-белой картинкой на экране.

Государство достаточно глубоко вторгалось и в сферу общественной жизни, будь то образование, спорт или даже музыкальное искусство. В частности, образование – и это касалось также частных учебных заведений – жестко контролировалось государством. Так было сначала в Японии, а потом и в Корее, Сингапуре и других НИСах. Одновременно в этих странах неуклонно увеличивались расходы на образование, причем они возрастали даже быстрее, чем ВВП. Достаточно сказать, что при модернизаторской диктатуре Пак Чжон Хи в Корее профессия школьного учителя стала одной из самых престижных и высокооплачиваемых. При этом, например, в той же Корее еще в конце 1960-х гг. для старшеклассников была введена обязательная спортивная и военная подготовка во имя физического здоровья нации и укрепления «мобилизационного настроения». А чтобы лучше контролировать умонастроения в среде учащейся молодежи, в 1975 г. вместо студенческих ассоциаций был воссоздан существовавший в прошлом Студенческий Корпус обороны, занимавшийся в том числе и идеологической индоктринацией старшеклассников и студентов [43, pp. 24–27].

Недаром многие исследователи находили черты сходства между советской системой и государством развития в странах Восточной Азии, между Гоминьданом на Тайване и ПАП в Сингапуре с одной стороны, и КПСС – с другой. Так, Кастельс не без сарказма заметил по поводу Сингапура: «Вероятно, это единственный подлинно ленинский проект, который выжил, выйдя за рамки своей первоначальной матрицы» [6, p. 286]. Принципиальное различие между советской системой и государством развития в НИСах, однако, состояло в том, что деятельность государства в этих странах была направлена не на построение альтернативы капитализму, а на модернизацию внутри капиталистической системы, не на искоренение рыночной экономики и частной инициативы, а на их развитие, в том числе и нерыночными, административными методами.

По мере укрепления государства развития складывался специфический управленческий слой, непосредственно вовлеченный в регулирование и планирование экономики, – слой *экономической бюрократии*. Она была изначально отделена от политиков, принимавших принципиальные решения касательно развития страны (хотя и участвовала в их экспертной проработке и подготовке), осуществляя связь между государством и бизнесом.

Постепенно, однако, усложнение экономики, ее диверсификация как на внутреннем, так и на внешнем рынках вели к укреплению связей между экономической бюрократией и частным бизнесом. Различные группы экономической бюрократии, связанные с разными бизнес-группами, старались «продвинуть» свои проекты развития отраслей, внешнеэкономических связей и предприятий. Порой они соперничали друг с другом за льготные кредиты, субсидии и другие ресурсы, вольно или невольно нарушая вожденные гармонию и порядок. Складывалась ситуация, отчасти похожая на ту, что существовала в позднем СССР, когда развернулась борьба ведомств и промышленных отраслевых министерств за ресурсы, капиталовложения и признание их приоритетов самыми важными в стране.

Такая практика ухудшала управляемость в экономике и создавала благоприятные условия для коррупции. Это было заметно в Корее уже в 1980-е гг., при Чон Ду Хване, в меньшей степени – на Тайване, но особенно ярко проявлялось в НИСах второго поколения, в Малайзии, Таиланде и главным образом в Индонезии. Так государство развития своей деятельностью, абсолютно необходимой на первых порах для ускоренной модернизации, само создавало экономические и институциональные предпосылки для снижения своей эффективности. Одновременно складывались условия для становления *бюрократического капитализма*, когда чиновники, непосредственно или через своих родственников и приятелей, вовлекаются в коммерческую деятельность, причем нередко становятся ее главными субъектами и бенефициарами.

Среди рассматриваемых стран дальше всех по пути бюрократического капитализма продвинулась Индонезия, где этот строй начал складываться еще до переворота 1965–1967 гг., при Сукарно. Именно тогда и гражданские бюрократы, и крупные военные чины пустились во все тяжкие, приватизируя прямо или косвенно (при формальном сохранении госсобственности) самые прибыльные куски постколониальной экономики, становясь таким образом бюрократами-капиталистами (так называемыми *кабирами*). Такая вовлеченность служилых людей в экономическую деятельность имела важное значение для вызревания предпосылок государственного переворота, начавшегося в ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. и завершившегося лишь в 1967 г. отставкой президента Сукарно.

Главным препятствием для окончательного превращения государства развития в бюрократический капитализм была ориентированность экономик НИСов на мировой рынок, который выступал независимым контролером и регулятором деятельности экономической бюрократии. Ухудшение результатов, т. е. потеря позиций во внешней торговле, угрожало подорвать саму основу власти и доходов этого влиятельного слоя, поэтому экономической бюрократии волей-неволей прихо-

дилось приспособляться к веяниям мирового рынка, проявляя известную гибкость и открытость к нежелательным для нее, но необходимым переменам [8, р. 301; 40, р. 142].

Очевидно, что в условиях глобализации и возрастающей зависимости ориентированных на экспорт экономик НИСов от инноваций и притока новых технологий должно было бы меняться и государство развития. Необходимость перемен была подтверждена азиатским финансово-экономическим кризисом 1997–1998 гг., и наиболее дальновидные руководители восточноазиатских стран ее осознали. «Будут происходить переломные изменения, и измениться должны будут наши способы мышления, работы и повседневной жизни, – говорил Махатхир Мохамад. – По нашему мнению, разрыв с прошлым будет очень критичным, и через зияющую пропасть к будущему должен быть проложен мост...» [29, р. 9].

Однако совершить назревший разрыв с прошлым оказалось куда более трудной задачей, чем это виделось на исходе минувшего века даже реалистично мыслящим ученым и политикам. Прокладывание мостов в будущее, как выяснилось очень скоро, является далеко не простым делом.

«Тигры» перед новыми вызовами

Азиатский кризис 1997–1998 гг. обозначил исторический предел догоняющих модернизаций на основе индустриализации. Он также показал слабость научно-технологического, инновационного потенциала НИСов. Действительно, при экспортной ориентации экономики постоянное обновление ассортимента и улучшение потребительских свойств экспортируемых товаров и услуг становится настоятельной необходимостью. Но для такого обновления недостаточно успешно осваивать заимствованные технологии, копируя достижения лидеров мировой экономики. Нужно развивать собственный инновационный потенциал, для чего, в свою очередь, нужно иметь соответствующую систему образования и научных исследований, в том числе фундаментальных. Однако такие системы не возникают по приказу просвещенных бюрократов. Они формируются на протяжении многих десятилетий и даже столетий. У восточноазиатских стран попросту не было исторического времени, чтобы искусственно, с нуля создать такие системы за 20–30 лет.

Кроме того, помимо мощного сектора экономики, ориентированного на внешние рынки, и в Корее, и в Малайзии, и на Тайване, не говоря уже о таких странах, как Таиланд и Индонезия, существовало множество мелких и средних предприятий, работавших на внутренний рынок. Многие из них выпускали комплектующие для крупных фирм-экспортеров, работая по субподрядам, но далеко не всегда на них распространялись те льготы и преференции, коими государство развития наделяло их крупных за-

казчиков и партнеров. У мелкого и среднего бизнеса не было достаточных финансовых и технологических ресурсов, квалифицированной рабочей силы, чтобы заниматься широкомасштабными инновациями. В результате усиливались неравномерность развития экономики и социальные дисбалансы в обществе. Все это также не благоприятствовало инновационным прорывам.

Стоит заметить, что до 1997 г. доля расходов на НИОКР в НИСах хотя и возрастала быстрыми темпами (с нуля!), лишь в Сингапуре, Корее и на Тайване она превысила к этому времени порог в 1 % ВВП (1,1 % в 1995 г. в Сингапуре, 2,7...2,9 % в 1995–1997 гг. в Корее, 1,8 % на Тайване) [23, р. 21; 30, р. 8]. В Малайзии и Таиланде эта доля с середины 1980-х гг. до 1997 г. даже сокращалась, поскольку ее рост был ниже темпов роста ВВП, составив в 1996 г. мизерные 0,22 и 0,12 % соответственно [24, pp. 109–111; 30, pp. 7, 8].

Однако проблема заключалась даже не в том, что «тигры», за исключением Кореи, мало тратили на науку, а в том, что их НИОКР концентрировались в основном на совершенствовании второстепенных, частных аспектов уже полученных другими результатов. Такая концентрация на «мелочах» сочеталась со специфической системой образования, нацеленной на подготовку квалифицированных добросовестных исполнителей, а не творцов нового. Образование на всех уровнях ориентировало учащихся и студентов прежде всего на заучивание и запоминание знаний, а не на их понимание («learning but not studying»). К тому же исконная привычка к общинности, *тяга к гармонии* и сохранению добрых отношений, стремление не обидеть кого-либо из своих вызвали неодобрительное отношение к тем, кто чересчур рьяно проявляет свою индивидуальность, в том числе и в решении математических задач или в понимании учебного материала, что со школьных лет гасило стремление к творческой активности и неординарности. Насаждался своего рода *когнитивный консерватизм*, целиком укладывающийся в конфуцианскую традицию отношения к знаниям и всему, что говорится учителем. Эта традиция предполагала «пассивную, некритическую и нетворческую ориентацию на заучивание», беспрекословную, догматическую и конформистскую веру в преподаваемое знание [35, р. 65]. На стадии освоения чужих достижений такой когнитивный консерватизм, вероятно, был необходим и полезен. Но эта стадия не могла продолжаться слишком долго, следовательно, и подходы к системе образования должны были меняться.

Следует сказать, что правящие круги в НИСах Восточной Азии в целом еще двадцать лет назад сделали правильные выводы из кризиса конца минувшего столетия. Помимо реформ в экономической политике и институциональной сфере, они признали необходимость изменений в системе

образования, а также начали увеличивать расходы на НИОКР. Данные об этих расходах представлены в табл. 1, которая содержит для сравнения и сведения по США, Китаю и Японии.

Таблица 1

Доля расходов на НИОКР в ВВП НИСов Восточной Азии, США, Китая и Японии, в %, 1996–2015 гг. *

Страны и территории	Годы					
	1996–1998	2000–2002	2004–2006	2008–2010	2012–2014	2015
Гонконг	0,43	0,58	0,80	0,77	0,74	0,76
Корея	2,29	2,34	2,83	3,45	4,28	4,23
Сингапур	1,74	2,06	2,16	2,62	2,20	–
Тайвань, провинция	–	2,30	–	–	3,00	–
Индонезия	–	0,07	–	0,08	0,08	–
Малайзия	0,40	0,65	0,61	1,04	1,26	1,30
Таиланд	0,12	0,25	0,24	0,23	0,48	0,63
Китай	0,65	1,06	1,37	1,71	2,02	2,07
США	2,50	2,64	2,54	2,82	2,75	2,79
Япония	2,87	3,01	3,28	3,34	3,40	3,28

* Указано максимальное значение в пределах выбранного двухгодичного интервала
Источники: база данных Всемирного банка [50]; данные по Тайваню: [31, р. 93; 32, р. 43].

Увеличение расходов на науку сопровождалось программными заявлениями о долгосрочных планах грядущих перемен. Так, еще в первой половине 1990-х гг. правительство Сингапура провозгласило своей целью переход к экономике, основанной на знании (knowledge-based economy), чтобы превратить свой тропический город-государство в «Бостон Восточной Азии», имея в виду ту же роль, которую играет столица штата Массачусетс в американской экономике.

Подобные планы провозглашались и правительством Кореи, которое после кризиса 1997–1998 гг. заметно активизировало свои усилия, чтобы перейти к новой модели развития. План такого перехода, принятый в 1999 г., предусматривал снятие бюрократических барьеров для межотраслевой и территориальной мобильности бизнеса, большую открытость прямым иностранным инвестициям и улучшение инфраструктуры для развития информационных и коммуникационных технологий, включая прокладку оптоволоконных линий. Предусматривалась и реформа системы образования, переориентация ее на развитие инициативности

и творческой активности учащихся, будь то в начальной школе или в магистратуре университета.

Правительство Малайзии, выступив с планами преобразования своей экономики в экономику знаний, учредило Национальный Совет по развитию экономики знаний (National K-based Economy Development Council) с отделениями в каждом штате, подобно тому как в период форсированной индустриализации учреждались различные органы, призванные способствовать росту обрабатывающей промышленности.

Однако для всех НИСов характерен, хотя, конечно, в разной степени, своеобразный бюрократический подход к проблемам инноваций и развития экономики знаний. Это, безусловно, представляет собой инерцию государства развития периода индустриального бума. Но сегодня государство в условиях глобализации, либерализации и открытости рынков может выборочно стимулировать те или иные приоритетные отрасли, но не может и, главное, не должно обеспечивать прежнюю, «почти советскую», норму накопления [41, pp. 139, 141, 142]. К тому же приверженность политике ускоренного накопления физических, материальных элементов капитала противоречит задаче развития человеческого капитала, тогда как вспомоществование этому развитию становится еще более важной задачей, чем это было на заре модернизации [14, pp. 1098, 1101, 1102].

В связи с этим возникает ряд вопросов. Способно ли вообще государство развития с идеологической аранжировкой, основанной либо на конфуцианстве, либо, как в Малайзии, на модернистской интерпретации ислама, быть столь же успешным и необходимым институтом развития, каким оно было в период индустриализации, но уже по отношению к экономике знаний? Может ли оно в принципе создать новую экономику, основанную на знаниях и инновациях, столь же быстро и успешно, как оно создало современную индустрию? Может ли государство решать новые задачи со старыми подходами, да ещё без сотрудничества и диалога с обществом?

Конец государства развития и «азиатские ценности»

С точки зрения любой бюрократии, включая и экономическую бюрократию государства развития, главное – конкретный результат, отражаемый экономической статистикой. Но подлинно инновационная, креативная экономика полна рисков и неопределенностей: может получиться, а может и не получиться. А если желаемого результата не будет, бюрократы, «ответственные за инновации», получат нагоняй от вышестоящего начальства. Неудивительно, что при всевластии государства развития, стремящегося быть вездесущим, хотя уже далеко не всемогущего, научные исследования по-прежнему носят главным образом прикладной характер и

нацелены в первую очередь на коммерческий успех. Разумеется, непосредственная отдача от таких исследований неизмеримо выше, чем от общетеоретических, фундаментальных изысканий, как и вероятность хотя бы минимального успеха. К тому же в странах Восточной Азии, даже в столь экономически развитых, как Сингапур или Корея, фундаментальная наука находится еще в детском возрасте, и было бы наивно ожидать от нее каких-либо прорывных фундаментальных результатов, хотя надо признать ее огромный прогресс за исторически короткое время поистине с нулевого уровня.

Однако для достижения фундаментальных научно-технологических результатов мало просто увеличить финансирование НИОКР. Нужны люди, способные их проводить на должном уровне, а обучение таких людей – задача системы образования. Но и подготовка требуемых специалистов – это еще полдела. Ведь при бюрократическом подходе к решению осознаваемых проблем игнорируется принципиальное различие между ускоренной индустриализацией под эгидой государства и развитием экономики знаний. Если первая предполагает, особенно вначале, успешное копирование заимствованных передовых технологий и вполне допускает экономическое или административное принуждение к таковому, то экономика знаний не может развиваться без внутренней мотивации ее субъектов к творческой и исследовательской деятельности. А такая мотивация формируется далеко не сразу, и опять-таки сферой образования.

По формальным показателям образованности населения НИСы первого поколения: Гонконг, уже, кстати, переставший быть индустриальным, Корея, Сингапур и провинция Тайвань – находятся среди мировых лидеров. НИСы второго поколения, включая Малайзию, на их фоне смотрятся скромнее, но отставание, даже у Индонезии, вряд ли можно считать катастрофическим, учитывая их быстрый прогресс. Достаточно взглянуть на показатели вовлеченности молодежи в учебу в высших колледжах и университетах. Например, в Корее доля молодежи студенческого возраста, обучающейся в таких учебных заведениях в 2012–2017 гг., составила 93 %, в Гонконге – 72 %, в Малайзии – 44 %, в Таиланде – 46 % и только в Индонезии – всего 28 %. Для сравнения: в таких высокоразвитых в технологическом отношении странах, как Германия, Финляндия или Швеция, эти показатели составили соответственно 66, 87 и 62 % при средней по всем странам – членам ОЭСР 68 % и в мире – 36 % [47, pp. 52, 53, 55 (table 90)]. Стоит отметить и достижения молодежи восточноазиатских стран на всевозможных международных студенческих и школьных конкурсах, предметных олимпиадах и т. п. По результатам теста 2015 г. по программе оценки достижений 15-летних учащихся школ, проводимого ОЭСР (так называемая PISA – Programme for International Student Assessment), школьники

из Восточной Азии уверенно занимали места в первой десятке и по естественным наукам, и по математике (всего участвовали учащиеся из 70 стран и территорий) (табл. 2).

Таблица 2

**Достижения 15-летних школьников по тестам программы ОЭСР (2015 г.)
(средние баллы, набранные школьниками соответствующей страны
или территории) ***

Естественные науки		Математика	
Сингапур	556	Сингапур	564
Япония	538	Гонконг (Китай)	548
Эстония	534	Макао (Китай)	544
Тайвань, провинция	532	Тайвань, провинция	542
Финляндия	531	Япония	532
Макао (Китай)	529	Китай **	531
Канада	528	Корея	524
Вьетнам	525	Швейцария	521
Гонконг (Китай)	523	Эстония	520
Китай **	518	Канада	516
Корея	516	Нидерланды	512
Новая Зеландия	513	Дания	511
Словения	513	Финляндия	511
Австралия	510	Словения	510
Великобритания	509	Бельгия	507

* Максимально возможное количество баллов – 740. Представлены первые 15 стран и территорий по каждому направлению.

** – Города Пекин и Шанхай, провинции Цзянсу и Гуандун.

Источник: [38, pp. 59, 60, 67, 177].

Тем не менее, несмотря на все эти очевидные достижения, сфера образования в странах Восточной Азии по-прежнему нуждается в серьезном реформировании. Одна из проблем, которые остаются нерешенными в области образования в НИСах Восточной Азии, – привлечение к преподаванию в средней школе неординарных, творчески относящихся к делу специалистов. Одно лишь повышение заработной платы учителям эту проблему не решает, поскольку такие специалисты боятся оказаться «белыми воронами» в консервативной учительской среде.

Еще одна проблема касается мотивации учащихся и студентов к учебе. Как показали исследования, юные корейцы мотивированы к хорошей учебе не столько благодаря собственному интересу к изучаемым предме-

там и новым знаниям, сколько в силу прагматических соображений под влиянием внешних факторов. Это и понимание того, что хорошая учеба в будущем открывает больше возможностей продолжить обучение в престижном университете и поступить потом на хорошо оплачиваемую работу, да и просто желание избежать наказаний со стороны строгих родителей в случае плохой учебы [21, pp. 110–112, 120–122]. Преобладание внешних («инструментальных») мотивов к изучению естественных наук над внутренними (искренний интерес к предмету, радость от самого процесса изучения и т. д.) у 15-летних школьников из стран и территорий Восточной Азии косвенно подтверждается и исследованиями ОЭСР. В этом отношении «бездуховный Запад» в лице Швейцарии, Дании, Люксембурга, Бельгии, Франции и Германии оказался менее прагматичным и корыстным, чем якобы «духовный Восток» в лице Гонконга, Сингапура, Кореи и континентального Китая, который был представлен Пекином, Шанхаем и провинциями Цзянсу и Гуандун, далеко продвинувшимися по пути модернизации⁶. Такое прагматическое отношение к учебе и освоению знаний по существу не отличается от подходов государства развития и местных бизнес-элит к проблеме модернизации в начале индустриального бума, когда внешние обстоятельства и вызовы были куда значимее для напряженной работы, чем внутренние побудительные мотивы к ней. Но совместимо ли это отношение к учебе в духе конфуцианской традиции когнитивного консерватизма, т. е. зубрежка и беспрекословное следование сказанному учителем вместо творческого освоения изучаемых предметов, с провозглашаемым переходом к экономике знаний?

Примечательно, что инерция консервативной модернизации и традиций, унаследованных от прошлого, по-своему проявилась и в попытках реформировать систему образования в тех странах, где была осознана такая необходимость. Результатом явилось эклектическое сочетание старых и новых правил, подходов к обучению и порядков в учебных заведениях, порой несовместимых друг с другом. Так, например, Министерство образования Кореи еще на рубеже XX–XXI вв. решило создавать специальные школы для старшеклассников, способных к изучению математики, физики и других естественных наук (стоит вспомнить опыт Новосибирской физматшколы начала 1960-х гг.), допустило создание частных школ, где обучение строилось по нестандартным экспериментальным программам. Однако обе инициативы встретили критику и сопротивление со стороны многих учителей, родителей школьников, чиновников среднего звена и

⁶ Оценки автора по результатам опросов, проведенных экспертами ОЭСР среди 15-летних школьников из 70 стран и территорий [38, pp. 122, 127]. Единственной восточноазиатской страной, в которой внутренние мотивы к изучению наук у юношества выглядели чуть более значительными, чем внешние факторы, оказался Вьетнам.

даже части академических кругов, которые критиковали новшества за то, что они нарушают принцип равенства в образовании, воспитывают элитарность среди части учащихся, а также требуют дополнительных расходов за счет финансирования «простых» школ. Заявляли даже, что слишком рано формировать творческие способности у детей 10–12 лет, это можно делать якобы лишь с 15 лет. Весьма показательны то, что чиновники никак не могли уразуметь, почему ученики в таких школах не тратили уйму времени, чтобы заучить математические или физические формулы, а вникали в их внутренний смысл, выводя их потом самостоятельно, без всякого механического заучивания.

Приверженность традициям прошлого – уже со стороны родителей – проявилась и в Сингапуре как своеобразный ответ на вполне разумный призыв властей всячески содействовать развитию творческих способностей школьников. Некоторые родители стали требовать от своих чад «быть творчески активными» с помощью зубрежки и многочасовых бдений над учебниками, а если считали эту активность недостаточной, то били их палкой и ставили коленями на бобы. В результате такого родительского рвения возрос спрос на услуги детских врачей-психиатров и невропатологов.

Таким образом, в изменившихся условиях следование «традиционным ценностям», конфуцианским наставлениям и императивам «гармонии и порядка» может приходиться в явное противоречие со стратегической задачей – сменой модели развития, переходом от догоняющей (пусть и вполне успешной) модернизации к инновационной экономике, где знания и информация становятся ключевыми ресурсами. Уместно ли в таком случае прежнее апеллирование к конфуцианскому наследию, да и вообще к так называемым «азиатским ценностям»?

Напрашивается ответ «нет». Но на деле именно сомнения в уместности конфуцианского наследия и вообще традиционных идей или учений способствуют укреплению позиций приверженцев этого наследия.

После кризиса 1997–1998 гг. в НИСах Восточной Азии ускорился сложный и болезненный процесс либерализации экономики. Отчасти он начался еще до кризиса в интересах влиятельных национальных экономических субъектов (случай Кореи), отчасти под давлением «пожарных команд» из Международного валютного фонда. Начал размываться и долго существовавший внутренний консенсус по поводу целей развития и деятельности его главного, ведущего субъекта – государства развития. Не просто изменились задачи, которые должно было бы решать это государство, – сузилась социальная база для его существования и деятельности, во всяком случае в прежних формах. В частности, бывшее определение нации или общества как одной большой семьи, в которой все выполняют свои обязанности, всё меньше стало соответствовать действительности.

сти. Например, провозглашавшийся когда-то в Сингапуре принцип меритократии, освященный конфуцианством, стал служить оправданию элитаризма и неравенства под тем предлогом, что в условиях обостряющейся мировой конкуренции и глобализации только компетентные технократы, лишённые какой-либо идейно-политической привязанности, могут успешно справляться с усложняющимися задачами управления. На деле же принцип меритократии противопоставляет правительство «заслуженных и мудрейших» избирателям, к тому же уже хорошо образованным, которые «не должны сомневаться в мудрости и благожелательности своих правителей» [45, pp. 15–21]. Очевидно, что в условиях глобализации, которые действительно требуют повышенной компетентности от управляющих, да еще и на фоне снижающейся вертикальной мобильности, поддерживать веру общества в незыблемость принципа меритократии становится всё труднее, даже несмотря на жесткий контроль властей за средствами массовой информации и коммуникации.

Стоит отметить, что в начале XXI в. в НИСах Восточной Азии не столько усилилась социально-экономическая дифференциация между классами, между бедными и богатыми⁷, сколько обострились внутриклассовые различия: между крупным и мелким бизнесом, между разными группами наемных работников, между различными категориями растущего среднего класса. Эта становящаяся всё более явной разнородность не только всего общества, но и составляющих его социальных групп не только ограничивает возможности консолидации общества или хотя бы его значительной части вокруг долгосрочных целей развития [17, pp. 586, 587, 590–593]. Она ведет к ограничению демократических свобод и способствует авторитарным методам правления. Обострение различных конфликтов, наблюдаемое последние 15–20 лет в НИСах Восточной Азии, причем как межклассовых (протесты рабочих против изменений трудового законодательства под влиянием глобализации и внешней конкуренции), так и внутриклассовых (конфликты по поводу изменений финансово-кредитной политики в угоду крупным компаниям и банкам, но в ущерб мелкому и среднему бизнесу), побуждает включенные в мировой рынок привилегированные группы отказаться от прежней патерналистской политики компромиссов с целью «гармонии и порядка».

По существу, в НИСах Восточной Азии (а также в Японии и, по видимому, в Китае) обозначилась тенденция *к усилению нелиберальной политики по мере дальнейшей либерализации экономики* и демонтажа прежнего государства развития с его патернализмом и ответственностью «отцов» («старших») за своих «детей» («младших») [7, pp. 536–538]. И вот тут-то на по-

⁷ Коэффициент Джини с рубежа XX–XXI вв. до 2015–2016 гг. в НИСах Восточной Азии почти не изменился, а кое-где даже немного снизился (оценка автора по: [1, p. 125; 2, p. 81]).

мощь и приходят традиционные «азиатские ценности». Но если раньше, в начале модернизационного прыжка «тигров», они объективно содействовали модернизации, то теперь выполняют скорее охранительную функцию. Сегодня они призваны оправдать и закамуфлировать те негативные процессы, которые неизбежно являются оборотной стороной неолiberaльной экономической политики и стремления повысить конкурентоспособность национальных экономик главным образом в интересах крупного местного и транснационального бизнеса, уже давно интегрированного в мировую систему.

Заключение

Рассматривая опыт успешной модернизации НИСов Восточной Азии и отчасти Китая, нужно учитывать, что их модернизация при всех ее очевидных успехах была консервативной модернизацией. Она началась раньше, чем созрели ее собственные внутренние предпосылки, под давлением внешних факторов. Такая модернизация невольно должна была согласовать культурное наследие и традиции восточноазиатских стран с внедряемыми «сверху» ценностями модерна – конкуренцией, экономическим ростом, технологическим прогрессом и рациональным научным знанием. Огромную роль в таком согласовании сыграло конфуцианство с его близкой протестантизму трудовой этикой, уважением к знанию и фигуре учителя, прославлением бережливости. Оно оказалось созвучным задачам догоняющей модернизации, главным субъектом которой были не частные предприниматели, а государство и его руководители вместе с особой группой чиновничества, экономической бюрократией. Тем самым государство становилось *государством развития*, венчавшим собой функциональный, менеджеральный капитализм второй половины XX в. в странах Восточной Азии. Именно государство в лице авторитарной власти обеспечивало проповедуемые конфуцианством порядок и гармонию, а также справедливое с точки зрения задач модернизации распределение обязанностей и доходов.

Однако, выполнив свою историческую задачу, государство развития столкнулось с вызовами глобализации, к развитию которой, кстати, само приложило немало усилий. Нужно было переходить к новой модели развития, основанной не на имплементации научно-технических достижений, заимствованных у высокоразвитых стран, а на собственных инновациях. Но такому переходу препятствуют, во-первых, объективная слабость собственной научно-технологической базы НИСов, а во-вторых (прежде всего в странах с конфуцианской культурой), именно традиции конфуцианства с его *когнитивным консерватизмом*, который сдерживает развитие инициативы и творческих способностей учащихся, ориентируя их на некритическое заучивание знаний вместо понимания. Осуждение индивидуализма,

боязнь нарушить гармонию и установленный порядок, поставить под сомнение сказанное учителем оказываются трудносовместимыми с задачей развития экономики, основанной на знаниях и инновациях.

Было бы тем не менее ошибкой считать, что «азиатские ценности», сыгравшие большую роль в модернизации НИСов, уходят в прошлое. По мере эрозии государства развития и углубления социальной дифференциации, которая отнюдь не сводится к дифференциации доходов, «азиатские ценности» будут востребованы в качестве инструментов «стабилизации» и оправдания авторитарных тенденций в политике. Но такое использование традиций, в том числе и конфуцианского наследия, часто сознательно инспирируемое властями, вряд ли поможет НИСам, а впоследствии и Китаю развивать экономику, основанную на знании. Это означает, что Восточная Азия во главе с Китаем вряд ли станет мировым научно-технологическим лидером в ближайшие десятилетия. Следовательно, «век Азии», по крайней мере до середины нынешнего столетия, скорее всего не наступит, и Запад будет по-прежнему доминировать в мировой системе, хотя это доминирование, конечно, будет не столь абсолютным, каким оно было до последней четверти XX в. Отсюда следуют выводы, которые имеют значение и для науки, и для практики: пора перестать городить наукообразные «огороды» из концептов «многополярного мира», БРИКС и «восходящих стран» и признать существующую реальность, какой бы неприятной она ни была.

Литература

1. Key indicators for Asia and the Pacific 2017 / Asian Development Bank. – Mandaluyong City: ADB, 2017. – XXXVIII, 354 p.
2. Key indicators for Asia and the Pacific 2018 / Asian Development Bank. – Mandaluyong City: ADB, 2018. – XXXIII, 281 p.
3. World wealth report 2018 / Capgemini. – Paris: Capgemini, 2018. – 54 p.
4. *Cardoso F.H., Faletto E.* Dependencia y desarrollo en América Latina. Ensayo de interpretación sociológica. – México: Siglo XXI, 1970. – VIII, 166 p.
5. *Cardoso F.H., Faletto E.* Dependency and development in Latin America / transl. by M.M. Uguindi. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1978. – XXV, 227 p.
6. *Castells M.* The information age: economy, society and culture. Vol. 3. End of Millennium. – Oxford, UK; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1998. – XIV, 418 p.
7. *Chacko P., Jayasuriya K.* Asia's conservative moment: understanding the rise of the right // *Journal of Contemporary Asia*. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 529–540. – DOI: 10.1080/00472336.2018.1448108.
8. *Chong T.* Embodying society's best: Hegel and the Singapore State // *Journal of Contemporary Asia*. – 2006. – Vol. 36, N 3. – P. 283–304.

9. The Sacred books of China: the texts of Confucianism. Pt. 1. The Shû king, The religious portions of the Shih king. The Hsiáo king / transl. by J. Legge. – Delhi; Varanasi; Patna: Motilal Banarsidass, 1966. – XXX, 492 p. – (The Sacred Books of the East series; vol. 3).
10. Global Wealth Report 2018 / Credit Suisse. – Zurich: Credit Suisse AG, 2018. – 59 p.
11. *Duvert Ch.* How is justice understood in classic Confucianism? // Asian Philosophy. – 2018. – Vol. 28, N 4. – P. 295–315. – DOI: 10.1080/09552367.2018.1535477.
12. *Gob K.S.* The economics of modernization. – Singapore: Federal Publications, 1995. – X, 254 p.
13. *Greenfeld L.* The spirit of capitalism: nationalism and economic growth. – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2001. – XI, 541 p.
14. *Hsu J.* The developmental state of the twenty-first century: accounting for state and society // Third World Quarterly. – 2018. – Vol. 39, N 6. – P. 1098–1114. – DOI: 10.1080/01436597.2017.1357115.
15. *Jackson P.A.* Buddhādāsa: Theravada Buddhism and modernist reform in Thailand. – Chiang Mai: Silkworm Books, 2003. – XV, 375 p.
16. *Jackson P.A.* Buddhism, legitimation, and conflict: the political functions of urban Thai Buddhism. – Singapore: ISEAS, 1990. – XIII, 245 p.
17. *Jayasuriya K.* Authoritarian statism and the new right in Asia's conservative democracies // Journal of Contemporary Asia. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 584–604. – DOI: 10.1080/00472336.2018.1431304.
18. *Jayasuriya K.* Understanding 'Asian values' as a form of reactionary modernization // Contemporary Politics. – 1998. – Vol. 4, N 1. – P. 77–91. – DOI: 10.1080/13569779808449951.
19. *Johnson Ch.* MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1982. – XVI, 393 p.
20. *Jones E.L.* The record of global economic development. – Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2002. – XVIII, 226 p.
21. *Kim A., Rhee B.-S.* Meeting skill and human resource requirements // Korea as a Knowledge Economy: Evolutionary Process and Lessons Learned / ed. by J. Suh, D.H.C. Chen. – Washington, DC: World Bank, 2007. – P. 107–133.
22. *King R.* The Singapore miracle, myth and reality. – Inglewood, WA: Insight Press, 2006. – XVI, 516 p.
23. *Lall S.* Science and technology in the new global environment: implications for developing countries / in collaboration with the UNCTAD secretariat. – New York; Geneva: United Nations, 1995. – VI, 56 p.
24. *Lauridsen L.S.* Coping with the triple challenge of globalisation, liberalisation and crisis: the role of industrial technology policies and technology institutions in Thailand // The European Journal of Development Research. – 2002. – Vol. 14, N 1. – P. 101–125.
25. *Lawson S.* Confucius in Singapore: culture, politics, and the PAP state // Weak and strong states in Asia-Pacific societies / ed. by P. Dauvergne. – Canberra: Allen & Unwin Australia, 1998. – P. 114–134.

26. *Hang L.* Traditional Confucianism and its contemporary relevance // *Asian Philosophy*. – 2011. – Vol. 21, iss. 4. – P. 437–445.
27. *Mahathir bin Mohamad.* The Malay dilemma. – Singapore; Kuala Lumpur; Hong Kong: Federal Publications, 1977. – VI, 188 p.
28. *Mahathir bin Mohamad.* A new deal for Asia. – Selangor: Pelanduk Publications, 1999. – 155 p.
29. *Mahathir bin Mohamad.* Excerpts from the speeches of Mahathir Mohamad on the multimedia super corridor. – Subang Jaya, Selangor Darul Ehsan, Malaysia: Pelanduk Publications, 1998. – 104 p.
30. Malaysian science, technology and innovation indicators report 1996 [Electronic resource] / Malaysian Science and Technology Information Centre. – Kuala Lumpur: MASTIC, 1996. – 55 p. – URL: <https://mastic.mestec.gov.my/sti-survey-content-spds/malaysia-sti-indicators-report-1996> (accessed: 20.08.2019).
31. Malaysian science, technology and innovation indicators report 2016 / Malaysian Science and Technology Information Centre. – Putrajaya: MASTIC, 2017. – XXIII, 290 p.
32. National survey of research and development 2004 report / Malaysian Science and Technology Information Centre. – Putrajaya: MASTIC, 2004. – 48 p.
33. *Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world. – Boston: Beacon Press, 1967. – XIX, 559 p.
34. *Morishima M.* Why has Japan ‘Succeeded’? Western technology and the Japanese ethos. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1982. – XI, 207 p.
35. *Ng A.K.* Why Asians are less creative than Westerners. – Singapore; London: Prentice Hall, 2001. – XV, 230 p.
36. Global trends 2030: alternative worlds / National Intelligence Council. – Washington, DC: NIC, 2012. – XVI, 137 p.
37. Perspectives on global development 2010. Shifting wealth / Organisation for Economic Cooperation and Development. – Paris: OECD, 2010. – 174 p.
38. PISA 2015. Results. Vol. 1. Excellence and equity in education / Organisation for Economic Cooperation and Development. – Paris: OECD, 2016. – 489 p.
39. *Park C.H.* Our nation’s path: ideology of social reconstruction. – Seoul: Dong-A Publ. Co., 1962. – 252 p.
40. *Pempel T.J.* The developmental regime in a changing world economy // The developmental state / ed. by M. Woo-Cumings. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1999. – P. 137–181.
41. *Pirie I.* Korea and Taiwan: the crisis of investment-led growth and the end of the developmental state // *Journal of Contemporary Asia*. – 2018. – Vol. 48, N 1. – P. 133–158. – DOI: 10.1080/00472336.2017.1375136.
42. *Rostow W.W.* An American policy in Asia / in collaboration with R.W. Hatch. – Cambridge, MA: MIT Press; New York: J. Wiley; London: Chapman & Hall, 1955. – 59 p.
43. *Song Ch.* The use of nationalist ideology in the economic development of South Korea // East Asian development model: twenty-first century perspectives. Ed. by Sh. Hua, R. Hu. – London; New York: Routledge, 2015. – P. 21–43.

44. *Tamney J.B.* The struggle over Singapore's soul: western modernization and Asian culture. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1996. – XII, 238 p.
45. *Tan K.P.* Meritocracy and elitism in a global city: ideological shifts in Singapore // *International Political Science Review*. – 2008. – Vol. 29, N 1. – P. 7–27.
46. *Tan K.P.* The ideology of pragmatism: neo-liberal globalisation and political authoritarianism in Singapore // *Journal of Contemporary Asia*. – 2012. – Vol. 42, N 1. – P. 67–92.
47. Human development indices and indicators: 2018 statistical update / United Nations Development Programme. – New York: UNDP, 2018. – VII, 110 p.
48. *Weber M.* Economy and society: an outline of interpretive sociology: in 2 vol. / ed. by G. Roth and C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978.
49. *Wong S.-l.* The applicability of Asian family values to other sociocultural settings // *In search of East Asian development model*. Ed. by P. Berger and H.-H.M. Hsiao. – New Brunswick; Oxford: Transaction Books, 1988. – P. 134–153.
50. World Bank. Data and research. Indicators. Science and technology. Research and development expenditure (% of GDP) [Electronic resource]. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart/>; <http://api.worldbank.org/v2/en/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?downloadformat=excel> (accessed: 20.08.2019).
51. *Riding the wave. An East Asian miracle in the 21st century* / World Bank. – Washington, DC: The World Bank, 2018. – XIV, 124 p.
52. *Wright M.C.* The last stand of Chinese conservatism: the T'ung-Chih restoration, 1862–1874. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1957. – X, 426 p.
53. *Zakaria F.* Culture is destiny: a conversation with Lee Kuan Yew // *Foreign Affairs*. – 1994. – Vol. 73, N 2. – P. 109–126.
54. *Zhang W.-B.* Singapore's modernization, westernization and modernizing Confucian manifestations. – New York: Nova Science Publishers, 2002. – XIII, 202 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Статья прошла рецензирование 26.02.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-231-263

THE CONSERVATIVE MODERNISATION IN EAST ASIA: ACHIEVEMENTS AND LIMITS

Krasilshchikov Victor,

Dr. of Sc. (Economics), Senior Research Fellow,

The Polish Institute of Advanced Studies (Polish Academy of Sciences),

1, ul. Jaracza, Warsaw 00-378, Poland

ORCID 0000-0003-1402-3310

victor_ias2004@yahoo.co.in

Abstract

The paper deals with social-cultural aspects of catching up modernisation in the newly industrialising countries (NICs) of East and South-East Asia in the 1960s-1990s. The author treats this modernisation as a kind of *conservative modernisation* because it combined the local traditions and several elements of modernity, the “family-centred” attitudes of the East with the “self-centred” individualism of the West. In this connection, the author considers the role of Confucianism in East Asian modernisation and discusses the problem of compatibility of the Confucian doctrine with “the spirit of capitalism”. As it is known, Max Weber wrote about their incompatibility with each other but the practice of the last third of the XX Century disapproved the conception of Weber. This apparent paradox has been explained by the profound changes in capitalism since the times when Weber elaborated his conception. When the countries under scrutiny approached to their modernisation, they borrowed and implemented the model of managerial capitalism with *the developmental state* and economic bureaucracy. The state and its officialdom played the leading role in development of these countries, being much more important for modernisation than “the spirit of capitalism” with private initiatives. Meanwhile, the developmental state’s activity corresponded to some principles of the Confucian doctrine, so Confucianism that glorified the harmony and strong order appeared as well compatible with fast modernisation, particularly in Korea, Singapore and Taiwan.

However, the Confucian heritage and the relics of communalism became the obstacles to transition towards a knowledge-based economy. A focus on *learning* instead of *studying* in education according to the old Confucian traditions restrains the students’ creativity and oppresses an endeavour to express individuality. Thus, the practice of conservative modernisation, which was very effective at the stage of imitative, catching up industrial development, succeeds in a blind alley because does not enable to begin implementing a knowledge-based, innovative model of development that presupposes a free creative activity of individuals.

At the same time, liberalisation of economy, particularly after the Asian financial-economic crisis of 1997–1998, leads to deepening social differentiation and erodes the base of the previous developmental state. In the changing conditions, a set of the so-called “Asian values” has been used not for further modernisation but for justifying the conservative, authoritarian tendencies in politics and ideology.

The main conclusion the author makes from his consideration concerns the debates about the global shift of the world economy's core to the East (including China): in the nearest decades neither China nor East Asia as a whole will become the world economic hegemon. The West with the US domination will remain the global scientific-technological and, therefore, economic leader in the world.

Keywords: authoritarianism, Confucianism, conservatism, developmental state, East Asia, education, modernisation, traditions.

Bibliographic description for citation:

Krasilshchikov V. The conservative modernisation in East Asia: achievements and limits. *Ideas and Ideals – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 2, pp. 231–263. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-231-263.

References

1. Asian Development Bank. *Key indicators for Asia and the Pacific 2017*. Mandaluyong City, ADB, 2017. XXXVIII, 354 p.
2. Asian Development Bank. *Key indicators for Asia and the Pacific 2018*. Mandaluyong City, ADB, 2018. XXXIII, 281 p.
3. Capgemini. *World Wealth Report 2018*. Paris, Capgemini, 2018. 54 p.
4. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependencia y desarrollo en América Latina. Ensayo de interpretación sociológica*. México, Siglo XXI, 1970. VIII, 166 p.
5. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependency and development in Latin America*. Transl. by M.M. Uriguidi. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1978. XXV, 227 p.
6. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Vol. 3. *End of Millennium*. Oxford, UK, Malden, MA, Blackwell Publishers, 1998. XIV, 418 p.
7. Chacko P., Jayasuriya K. Asia's conservative moment: understanding the rise of the right. *Journal of Contemporary Asia*, 2018, vol. 48, no. 4, pp. 529–540. DOI: 10.1080/00472336.2018.1448108.
8. Chong T. Embodying society's best: Hegel and the Singapore State. *Journal of Contemporary Asia*, 2006, vol. 36, no. 3, pp. 283–304.
9. Legge J., transl. *The Sacred books of China: the texts of Confucianism*. Pt. 1. *The Shû king. The religious portions of the Shih king. The Hsiáo king*. Delhi, Varanasi, Patna, Motilal Banarsidass, 1966. XXX, 492 p.
10. Credit Suisse. *Global Wealth Report 2018*. Zurich, Credit Suisse AG, 2018. 59 p.
11. Duvert Ch. How is justice understood in classic Confucianism? *Asian Philosophy*, 2018, vol. 28, N 4, pp. 295–315. DOI: 10.1080/09552367.2018.1535477.
12. Goh K.S. *The economics of modernization*. Singapore, Federal Publications, 1995. X, 254 p.
13. Greenfeld L. *The spirit of capitalism: nationalism and economic growth*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2001. XI, 541 p.

14. Hsu J. The developmental state of the twenty-first century: accounting for state and society. *Third World Quarterly*, 2018, vol. 39, no. 6, pp. 1098–1114. DOI: 10.1080/1436597.2017.1357115.
15. Jackson P.A. *Buddhadāsa: Theravada Buddhism and modernist reform in Thailand*. Chiang Mai, Silkworm Books, 2003. XV, 375 p.
16. Jackson P.A. *Buddhism, legitimation, and conflict: the political functions of urban Thai Buddhism*. Singapore, ISEAS, 1990. XIII, 245 p.
17. Jayasuriya K. Authoritarian statism and the new right in Asia's conservative democracies. *Journal of Contemporary Asia*, 2018, vol. 48, no. 4, pp. 584–604. DOI: 10.1080/00472336.2018.1431304.
18. Jayasuriya K. Understanding 'Asian values' as a form of reactionary modernization. *Contemporary Politics*, 1998, vol. 4, no. 1, pp. 77–91. DOI: 10.1080/13569779808449951.
19. Johnson Ch. *MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1982. XVI, 393 p.
20. Jones E.L. *The record of global economic development*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, Edward Elgar, 2002. XVIII, 226 p.
21. Kim A., Rhee B.-S. Meeting skill and human resource requirements. *Korea as a Knowledge Economy: Evolutionary Process and Lessons Learned*. Ed. by J. Suh, D.H.C. Chen. Washington, DC, World Bank, 2007, pp. 107–133.
22. King R. *The Singapore miracle, myth and reality*. Inglewood, WA, Insight Press, 2006. XVI, 516 p.
23. Lall S. *Science and technology in the new global environment: implications for developing countries*. In collaboration with the UNCTAD secretariat. New York, Geneva, United Nations, 1995. VI, 56 p.
24. Lauridsen L.S. Coping with the triple challenge of globalisation, liberalisation and crisis: the role of industrial technology policies and technology institutions in Thailand. *The European Journal of Development Research*, 2002, vol. 14, no. 1, pp. 101–125.
25. Lawson S. Confucius in Singapore: culture, politics, and the PAP state. *Weak and strong states in Asia-Pacific societies*. Ed. by P. Dauvergne. Canberra, Allen & Unwin Australia, 1998, pp. 114–134.
26. Hang L. Traditional Confucianism and its contemporary relevance. *Asian Philosophy*, 2011, vol. 21, iss. 4, pp. 437–445.
27. Mahathir bin Mohamad. *The Malay dilemma*. Singapore, Kuala Lumpur, Hong Kong, Federal Publications, 1977. VI, 188 p.
28. Mahathir bin Mohamad. *A new deal for Asia*. Selangor, Pelanduk Publications, 1999. 155 p.
29. Mahathir bin Mohamad. *Excerpts from the speeches of Mahathir Mohamad on the multimedia super corridor*. Subang Jaya, Selangor Darul Ehsan, Malaysia, Pelanduk Publications, 1998. 104 p.
30. *Malaysian science, technology and innovation indicators report 1996*. Kuala Lumpur, MASTIC, 1996. 55 p. Available at: <https://mastic.mestec.gov.my/sti-survey-content-spds/malaysia-sti-indicators-report-1996> (accessed 20.08.2019).

31. *Malaysian science, technology and innovation indicators report 2016*. Putrajaya, MASTIC, 2017. XXIII, 290 p.
32. *National survey of research and development 2004 report*. Putrajaya, MASTIC, 2004. 48 p.
33. Moore B. *Social origins of dictatorship and democracy: lord and peasant in the making of the modern world*. Boston, Beacon Press, 1967. XIX, 559 p.
34. Morishima M. *Why has Japan 'Succeeded'? Western technology and the Japanese ethos*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1982. XI, 207 p.
35. Ng A.K. *Why Asians are less creative than Westerners*. Singapore, London, Prentice Hall, 2001. XV, 230 p.
36. *Global trends 2030: alternative worlds*. Washington, DC, NIC, 2012. XVI, 137 p.
37. *Perspectives on global development 2010. Shifting wealth*. Paris, OECD, 2010. 174 p.
38. *PISA 2015. Results. Vol. 1. Excellence and equity in education*. Paris, OECD, 2016. 489 p.
39. Park C.H. *Our nation's path: ideology of social reconstruction*. Seoul, Dong-A Publ. Co., 1962. 252 p.
40. Pempel T.J. The developmental regime in a changing world economy. *The developmental state*. Ed. by M. Woo-Cumings. Ithaca, London, Cornell University Press, 1999, pp. 137–181.
41. Pirie I. Korea and Taiwan: the crisis of investment-led growth and the end of the developmental state. *Journal of Contemporary Asia*, 2018, vol. 48, no. 1, pp. 133–158. DOI: 10.1080/00472336.2017.1375136.
42. Rostow W.W. *An American policy in Asia*. In collaboration with R.W. Hatch. Cambridge, MA, MIT Press, New York, J. Wiley, London, Chapman & Hall, 1955. 59 p.
43. Song Ch. The use of nationalist ideology in the economic development of South Korea. *East Asian development model: twenty-first century perspectives*. Ed. by Sh. Hua, R. Hu. London, New York, Routledge, 2015, pp. 21–43.
44. Tamney J.B. *The struggle over Singapore's soul: western modernization and Asian culture*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1996. XII, 238 p.
45. Tan K.P. Meritocracy and elitism in a global city: ideological shifts in Singapore. *International Political Science Review*, 2008, vol. 29, no. 1, pp. 7–27.
46. Tan K.P. The ideology of pragmatism: neo-liberal globalisation and political authoritarianism in Singapore. *International Political Science Review*, 2012, vol. 42, no. 1, pp. 67–92.
47. *Human development indices and indicators: 2018 statistical update*. New York, UNDP, 2018. VII, 110 p.
48. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. in 2 vol. Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley, University of California Press, 1978.
49. Wong S.-l. The applicability of Asian family values to other sociocultural settings. *In search of East Asian development model*. Ed. by P. Berger and H.-H.M. Hsiao. New Brunswick, Oxford, Transaction Books, 1988, pp. 134–153.

50. World Bank. *Data and Research. Indicators. Science and Technology. Research and development expenditure (% of GDP)*. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart/>; <http://api.worldbank.org/v2/en/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?downloadformat=excel> (accessed 20.08.2019).

51. *Riding the wave: an East Asian miracle in the 21st century*. Washington, DC, The World Bank, 2018. XIV. 124 p.

52. Wright M.C. *The last stand of Chinese conservatism: the T'ung-Chih restoration, 1862–1874*. Stanford, CA, Stanford University Press, 1957. X, 426 p.

53. Zakaria F. Culture is destiny: a conversation with Lee Kuan Yew. *Foreign Affairs*, 1994, vol. 73, no. 2, pp. 109–126.

54. Zhang W.-B. *Singapore's modernization, westernization and modernizing Confucian manifestations*. New York, Nova Science Publishers, 2002. XIII, 202 p.

The article was received on 12.12.2018.

The article was reviewed on 26.02.2019.